

НАША СТРАНА

Год издания — 41-ый. Буэнос Айрес, суббота 3 декабря 1988

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 3 de diciembre de 1988

Nº 2000

МОНАРХИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

1. ОТДЕЛИТЬ ПАРТИЮ (ПАРТИИ) ОТ ГОСУДАРСТВА. 2. ПРИЗНАТЬ ПРАВО ВСЕХ ГРАЖДАН БЫТЬ ХОЗЯЕВАМИ.
3. ДАТЬ ПРЕВОСХОДСТВО ОБЩЕСТВУ НАД ГОСУДАРСТВОМ. 4. УСТАНОВИТЬ НЕЗАВИСИМЫЙ СУД

В передовице "Реформа конституции" в # 1998 делается заключение, что для действительного преодоления имеющегося в нашей стране на сей день положения, и для одновременного избежания новых нежелательных курсов развития, необходимо исходить из политических принципов, отличных от принципов, которые привели к имеющимся результатам.

Это утверждение можно поставить в обратном порядке, как и любое уравнение: имеющимся результатам мы обязаны применением — искусственным и насильным — политических принципов, существенно отличных от наших исторических политических начал. В этом смысле, наша страна и ее народы были лишены фундаментального права свободно развивать свою собственную политическую жизнь, в рамках общемирового культурного и политического плюрализма, и были загнаны в прокрустово ложе чуждых и враждебных нам западных идеологий марксизма, социализма и прочих измов.

Освобождение из этого прокрустового ложа чревато многими опасностями, и, в первую очередь, опасностью впадения в новые "измы". Дабы избежать такого впадения "из огня, да в полымя", необходимо снова уточнить и осмыслить основные политические принципы, в согласии с которыми зародилась и развивалась Россия.

Повсеместное — как на родине, так и в зарубежье — празднование 1000-летия России и ее крещения, помогает нам сегодня обобщить эти основные исторические конституционные и политические принципы нашей страны.

Принятое нами от Византии Православное Христианство содержит в своем основном тексте — Евангелии — указания самого Христа на два таких основных начала.

Первое из них связано с одним из весьма редких евангельских изречений на политическую тему: "Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит" (от Матфея, 12, 25). В греческом оригинале, город — это полис, то есть государство, а выражение "разделившийся" (мерисдеиса) является производным от "мерис", политическая партия, фракция, банда. (В одном из современных переводов на испанский язык, сделанный совместно католическими и протестантскими специалистами, слова "разделившийся сам в себе" переведены как "разделившийся на банды", то есть на фракции, партии). В свою очередь, в Первом послании к коринфянам, апостол Павел развивает эту тему в 12-ой главе: "Ибо как тело одно, но имеет многие члены, и все члены одного тела, хотя их и много, составляют одно тело... Тело же не из одного члена, но из многих... Дабы не было разделения в теле, а все члены одинаково заботились друг о

2000 НОМЕРОВ ЗА 40 ЛЕТ «НАШЕЙ СТРАНЫ»

В этом году, в сентябре месяце, "Нашей Стране" исполнилось 40 лет. В этом же юбилейном году, сегодня выходит в свет 2000-й номер газеты.

Когда 10 лет тому назад "Нашей Стране" исполнилось 30 лет, еще при жизни ее третьего редактора Татьяны Владимировны Дубровской, русская общественность в Буэнос Айресе соборно отмечала эту годовщину. Был тогда даже организован Юбилейный Комитет, в который вошли представители от практически всех русских общественных организаций в Аргентине. В этом 1988 году, году 1000-летия России и ее крещения, все другие годовщины поблекли и как бы отошли на второй план, и даже сознательно и преднамеренно не отмечались.

Все же, этот 2000-й номер "Нашей Страны" имеет характер юбилейного. Кроме программной передовицы, все другие статьи воспроизведены из предыдущих номеров газеты, для того, чтобы в одном номере частично собрать программные материалы, опубликованные в газете за последние годы.

РЕДАКЦИЯ

друге..."

Известный немецкий ученый Вернер Йегер обращает внимание на то, что в первом христианском литературном документе, "Послании коринфянам" святого Климента Римского, эта тема не только повторяется, но и расширяется многими примерами, взятыми из древней истории. Йегер даже считает, что и апостол Павел и Климент Римский пересказывают известное воззвание Меления Агрипы к плебейм, когда эти покинули Рим и обособились на Священной горе. Вообще, эта идея политического согласия, как основы государства, и разделения на партии ("стасис"), как высшего государственного бедствия, проходит через всю историю греческого полиса в классические времена, находя свое отражение в литературе, начиная от Солона, вплоть до Эсхила и Антифона. В Риме эта идея согласия (по-гречески "омоноия") называется "конкордией", которая, согласно Цицерону, является одновременно с идеей свободы ("либертас") основой государства: "То, что в пении музыканты называют гармонией, в городе есть согласие ("конкордия"), каковое является самой крепкой и лучшей связью в любом государстве; и это согласие невозможно достигнуть без правосудия" (Цицерон, "De республика", 2, 42).

В истории русского государства эта идея согласия выражается словами "собор", "соборный", "соборность". Она не только углубляется и расширяется по смыслу, в свете христианского учения о соборности ("кафоличности", то есть буквально "все-согласии", "ката оллон" — в согласии со всеми), но и воплощается конкретно в политических учреждениях.

Именно эта идея, являющаяся одной из конституционных основ нашего исторического государства, требует отделения всякой партийности от государства. Партии (буквально "части"), как пережитки феодальных идей и корпораций Западной Европы, не должны быть возводимы до уровня государства. Наоборот, они должны быть отделены от государства, которое по своему замыслу является "общим делом", а не частным.

Тем более, что партии закупуривают пути отбора кандидатов на государственные должности. В свое время много писалось и говорилось об отделении Церкви от государства. Гораздо важнее отделить от государства партии, закрепив это отделение конституционно.

Второе из основных начал нашей государственности, существенно связанное с евангельским учением, это принцип превосходства хозяина над наемником. "А наемник, не пастырь, которому овцы не свои... А наемник бежит, потому что наемник, и не радит об овцах" (от Иоанна, 10, 12-13). Социализм превратил насильно всех граждан в наемников, чем не только нарушил естественное право граждан быть хозяевами, но и уничтожил этим все рынки. Рынок без хозяев невозможен, а без рынка, отчуждается одно из основных оправданий государственности, зародившегося не только для обеспечения политического сожительства на вечевой площади (форуме, агоре), но и для "огораживания" рыночной площади. Наши первые города тоже имели эту функцию, да и само слово "город" имеет общий корень с "огораживанием". А в Германии даже имеется юридическое понятие поселения называемого "рынком" ("Markt"), то есть поселения выросшего из размеров деревни, но не достигшего полностью характера города, но уже имеющего "рынок".

Без саморегулирующихся, но регулируемых рынков невозможно социальное равновесие в государстве. Государство должно обеспечивать свободное функционирование рынков и ограждать их от внешних и внутренних вторжений, нарушений и искажений, но не имеет право само вмешиваться и направлять рынки. Необходимо конституционно закрепить право всех граждан быть хозяевами, во всех областях народного хозяйства, с одновременным запрещением отмены этого права государством.

Вообще, роль государства по отношению к обществу является дополнительной, то есть государство занимается тем, чем не может или не хочет заниматься общество, как, например: оборона, иностранные дела,

правосудие, народное здравоохранение, общественные работы. Государство является предохранительной оболочкой общества, и должно служить обществу, а не обществу государству. Необходимо конституционно закрепить превосходство общества над государством и служебную роль государства. В евангельских словах "отдавайте кесарево кесарю, в Божие Богу" (от Матфея, 22, 21) ясно указано на разделение между государством и обществом, и на неподвластность общественных верований государству.

В Православии была выработана теория симфонии между государством и Церковью, которая углубляет и уточняет эту идею разделения. В конечном итоге, симфония это тоже согласие, гармония, но на этот раз между государством и обществом верующих, "экклесией", Церковью. Симфония это не слияние в унисон, и не отчуждение голосов в какофонии.

Однако, ни согласие в государстве, ни отделение государства от партий и идеологий, ни обеспечение права граждан быть хозяевами в рамках свободных и обеспеченных рынков, ни превосходство общества над государством, при симфонии коренных народных верований и народной культуры с государством, невозможны без правосудия, гарантируемого независимой судебной властью. Причем, судебной властью не только внешне-формально авторитарной, как в некоторых западных странах (например, в США), но и полностью независимой от партийных и идеологических соображений, как в своем назначении, так и в своем функционировании.

В истоках российского государства верховная судебная власть была неразрывно связана с верховной властью в государстве. Первый монарх был призван в 862 году "иже бы судил по праву". Эту роль монарха подтвердил Иван Грозный в своей речи перед народом в 1550 году: "Я сам буду вам, сколь возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать". Таким образом, абсолютно независимое правосудие увеличивается абсолютно независимой (в старину говорили "самодержавной") и трансцендентной в своих истоках верховной властью, стоящей не только над идеологическими, партийными и вообще групповыми интересами, но и над управительными властями.

Кроме того, верховная монархическая власть символизирует не только идею хозяина и не только единство всей страны, во времени и в пространстве, но и соборное единство в равноправном многообразии всех народов нашей страны, чего не может обеспечить никакая идеология. Конечно, сегодня это может казаться далеким и трудно достижимым идеалом. Но такие идеалы необходимы, хотя бы как ориентир для правильного направления.

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 6 декабря 1986

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 6 de diciembre de 1986 No. 1897

Н. АЛЕКСАНДРОВ

Монархическое направление

Проходят годы, как для всей нашей эмиграции, так и для "Нашей Страны". Появляются новые читатели, из совсем другой среды, чем прежние, коренные читатели. И неизбежно встают, как новые, прежние, старые вопросы. Один из самых частых этих "новых" вопросов относится к монархическому направлению "Нашей Страны". Почему "Наша Страна" монархическая газета? Неужели это еще может быть сегодня актуально? Направление газеты, в общем, правильное, но зачем его называть монархическим? Не проще ли и лучше, просто не употреблять это выражение, сохраняя при этом целиком направление газеты?

В первую очередь, на это необходимо ответить, что "Наша Страна" была основана как монархическая газета, почти что сорок лет тому назад. Изменять этим истокам было бы не честно и не последовательно. Но, кроме того, именно из этих монархических позиций и вытекает все основное направление газеты, которое даже многие не монархисты считают не только правильным, но подлежащим сохранению и развитию. Отказавшись от исходных позиций — все дальнейшее политическое направление иссякнет и, в конечном итоге, изменится коренным образом.

Однако, читатели задающие вышперечисленные вопросы, имеют право на более глубокие ответы. Особенно, если эти читатели, как было сказано, являются читателями новыми, то есть не читавшими старые номера газеты, особенно те, в которых еще писал основатель газеты И. Л. Солоневич. Эти более глубокие ответы можно развить в трех главных направлениях: преимущества монархии в современном мире, преимущества монархии в России и преимущества некоторых монархических принципов даже и для не монархических государств.

ПРЕИМУЩЕСТВА МОНАРХИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Преимущества монархии в современном мире систематически замалчиваются и скрываются, именно потому, что антимонархические идеологии вполне сознают эти преимущества. Простое наблюдение политической действительности в мире, однако, сразу же вскрывает очевидность этих преимуществ. Оставляя в стороне все те монархии, которые сохраняются с прежних времен, как то Бельгия, Голландия, Норвегия, Швеция и т. д., необходимо обратить внимание на те монархии, которые сыграли и продолжают играть роль естественного катализатора в процессе глубоких и судьбоносных исторических перемен в их странах.

Первым таким примером является японская монархия. Сорок с лишним лет тому назад, Япония под-

писала безусловную капитуляцию. Однако, в этой "безусловной" капитуляции было одно единственное условие: сохранение монархии. Именно эта монархия и явилась тем связующим звеном Японии прошлого, с Японией будущего, и тем высшим историческим учреждением японского народа, которое помогло ему не только пережить страшное поражение, но и найти пути для лучшего будущего. Император Японии является "символом государственного единства Японии" и "столбом национального единства", как было отмечено в Японии в этом году, по поводу 85-летия императора Хирохито. Конечно, на это можно возразить, что эта же самая монархия и этот же самый император привели Японию к войне, а затем и к поражению, точно также, как они ее сегодня ведут в расцвету и прогрессу. Но как раз в том-то и дело, что монархия не тирания, и монарх — даже и абсолютный, хотя это и одна из худших видов монархии — все же не равнозначен ни государству, ни нации. Роковые ошибки совершает всегда все общество вместе взятое, даже возглавляемое монархом, функция же монарха тормозить или ограничивать — хотя бы во времени — эти ошибки. Между прочим, в случае Японии так оно и было: когда война зашла уже очень далеко, сам император Хирохито решил положить ей конец, вопреки не только увещаниям, но даже и слезным прошениям на коленах высшего штаба японских вооруженных сил. Японская военная верхушка не была согласна с решением своего императора, она в этом вопросе была против него, но она все же оказалась более монархической, чем наша русская военная верхушка в 1917 году: она подчинилась императору. Император, настаивая на своем решении, вопреки своей Ставке, исторически оказался прав. Это и является примером пресловутой авторитарности, то есть правом на вето, в судьбоносные для страны моменты.

Другим примером положительной роли монархии во время глубоких исторических перемен, можно считать английскую монархию. Англия, или официально, "Объединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии", хотя и оказалась после Второй Мировой войны в стане победительниц, и даже переживая "свой самый славный час", как выразился Черчилль, все же сразу после этой войны вступила в тяжелый и болезненный этап ликвидации своей колониальной империи. В этом ликвидационном процессе английская монархия сыграла приблизительно такую же роль, как и монархия японская, а именно роль не только катализатора во всех тяжелых исторических процессах, но и своего рода тормоза для предотвращения слишком резких и опасных перемен. Между прочим, именно эта роль английской монархии в послевоенных про-

цессах, затронувших во всех аспектах Англию, довольно хорошо освещена, так что это никоим образом не является исключительно нашим, то есть монархическим, утверждением. Мировая печать подчеркнула в этом году, по поводу 60-летия королевы Елизаветы Второй, что монархия Англии является "живым символом национального единства и исторической преемственности". ("По иностранной прессе", "Наша Страна", № 1878).

В заключение можно указать еще один пример такой "катализирующей и тормозящей" роли монархии, в переходные политические моменты. Это пример испанской монархии, восстановленной генералом Франко в 1967 году, на основании всенародного плебисцита. Этим плебисцитом была установлена также очень гибкая и открытая система основных законов (конституционных) "Испанского Королевства". Обе эти меры помогли направить переходный период после смерти генерала Франко мирным путем, несмотря на то, что незадолго до этой смерти была произведена дестабилизационная террористическая акция убийства президента испанского правительства, адмирала Карреро Бланко (в какой-то мере приняли участие и некоторые органы великих западных держав, со времен убийства Павла Первого, никогда этим не гнушавшихся, если это было необходимо для "высокой" политики). Именно эта последняя акция повлияла на дальнейшее развитие испанского государства в определенном направлении. Но, как ни судить и оценивать политические процессы в Испании после смерти генерала Франко, все же никак нельзя отказать учреждению монархии в Испании в умиротворяющей (т. е., как мы выразились, "катализирующей и тормозящей") роли.

В качестве дополнения к этим примерам, можно указать также и на три монархии в арабском мире: Иорданию, Саудовскую Аравию и Марокко. Несомненно, что и в них можно наблюдать *сдерживающее* начало монархии, которого, наоборот, лишились Иран и Ливия.

ПРЕИМУЩЕСТВА МОНАРХИИ В РОССИИ

Первым и главным преимуществом монархии в России является ее учредительный характер, как по отношению к русскому государству, так и по отношению к русской культуре. Действительно, монархия возглавила, и даже больше того, проявила инициативу в соборном творчестве нашего народа, как в культурной, так и в политической области.

Достаточно беглого взгляда на нашу историю, чтобы это стало очевидным. Например, монархической

власти принадлежит инициатива — можно сказать исключительная — переносов столицы нашего государства: из Великого Новгорода в Киев, из Киева во Владимир, из Владимира в Москву, из Москвы в Петербург. Ей также принадлежит инициатива и водительство в процессе "собрания земель русских" и в преодолении татарского ига. Монархическая власть в России была также инициатором нашего законодательства начиная с Ярослава Мудрого, с его "Русской Правдой". По инициативе другого русского монарха, Ивана Грозного, русская монархия принимает форму царства, с одновременным введением земского строя, с Земскими соборами и институтом самоуправления в области судебной власти и местного управления. Эта законодательная инициатива проявляется дальше в царствования Петра Великого, Екатерины Великой, Павла Первого, Александра Второго и т. д.

Инициатива выбора культурной ориентации, в рамках тогдашнего религиозно-культурного "плюрализма", тоже принадлежит нашей монархии, в лице святого Владимира, правнука новгородского Рюрика. Достижение независимости Русской Церкви, так называемая автракефалия, тоже является в большей части заслугой нашей монархической власти.

Резюмируя, можно сказать, что основным преимуществом нашей монархии являлась ее инициативная роль во всех глубоких исторических процессах нашей страны. В России монархия была соборной и народной. Она не была учреждена в результате каких-либо завоеваний, а была действительно символом нашего национального единства, символом исходящим из самих недр истории. Поэтому все духовные и материальные капиталы, накопленные больше чем за тысячелетие нашей страной, были накоплены вокруг русской монархии.

Поэтому, мы — монархисты — стоим на почве *тысячи* лет реальной и прозаической русской истории. Политики, практики, *прозаики* — это мы, монархисты. Ибо мы и *только* мы опираемся на реальное прошлое, а не на шпаргалки о будущем". (И. Л. Солоневич, "Наша Страна" № 23, 1949 год).

Не менее важным преимуществом нашей монархии является ее моральный и народный характер. "Русская монархия исторически возникла в результате восстаний низов против боярства и — пока она существовала — она всегда стояла на защите именно низов. Русское крестьянство попало под крепостной гнет в период *отсутствия* монархии, — когда цари истреблялись и страной распорядилась дворянская гвардия. Русская монархия была только одним из результатов попыт-

ки построения государства не на юридических, не на экономических, а на чисто моральных основах — с европейской монархией ее объединяет только общность внешней формы. Но обе они названы одним и тем же именем". (Иван Солоневич, "Народная Монархия", Буэнос Айрес 1973, стр. 127).

В заключение, нельзя не отметить еще одного преимущества нашей монархии. Это ее прагматическая гибкость, практическое приспособление к историческим обстоятельствам, без отречения от основных начал. Сама верховная монархическая власть в нашей стране все время находилась в процессе развития, в соответствии с развитием нашего государства и с его положением в окружающем мире. Мало было обращено внимания на то обстоятельство, что несмотря на исключительное по своей длительности династическое постоянство монархической власти в России (семь с половиной веков династии Рюриков, три века династии Романовых), эта власть мирно и органически развивалась из власти княжеской во власть великокняжескую, затем в царскую и, наконец, в императорскую.

Такой открытый характер монархической власти в России является ценным преимуществом и для потенциально возможного будущего: нет необходимости реставрации, потому что легитимность не только не исчерпывается реставрацией, но, больше того, сама легитимность зависит от внутренней и органической способности к развитию, то есть способности к будущему. Монархия в России это всегда — программа для будущего, без нужды в отрицании прошлого. Будущее не должно быть повторением, но развитием прошлого, без отказа от прошлого, но с учетом ошибок прошлого.

"Против политического насилия над "волей народа" протестуем именно мы, монархисты. Никогда в истории монархия не утверждалась путем насилия над народной волей. Противники же монархии всегда действовали насильем: убийствами, восстаниями, заговорами, "изменой и глупостью" во всех ее многочисленных "видоизменениях". ("Наша Страна", № 23).

Если же обращать свои взоры на наше историческое прошлое, то скорее можно отдать предпочтение более отдаленному прошлому: "Наша цель — восстановление русской монархии. Но не монархии "вообще", а такой, при которой не было бы царевбийства, при которой "высший свет" не клеветал бы на Царя и Царицу, при которой генералы не изменяли бы присяге и "народные представители" не орали бы о "глупости в измене", при которой были бы невозможны ни 1917-ый, ни 1905-ый годы, при которой у нас с вами была бы свобода личности, труда и прочего, при которой Церковь не управлялась бы оберпрокурорами, при которой нация не была бы поделена на "черную и белую кость" "... Это не "новомонархизм". Это — древнемонархизм". ("Наша Страна", № 29, 1950 г.).

ПРЕИМУЩЕСТВА МОНАРХИЧЕСКИХ ПРИНЦИПОВ

Именно такое определенное, а не отвлаченное содержание русской монархии, совершенно ясно указывает на полновесность выражения "монархический". Монархическое направление, это просто сокращение для длинного и сложного ряда определений: почвенное, коренное русское, народное, соборное, земское, правовое, традиционное и т. д. направление.

Больше этого, совокупность всех этих признаков, в той или иной пропорции, и является основой монархического направления. Сама же монархическая форма как таковая не обязательна как хронологическая предпосылка, а как предпосылка принципиальная и целеполагающая (телеологическая).

После социалистического эксперимента в России, монархическое направление обозначает также не только преодоление этого эксперимента, но и преодоление всех аналогичных экспериментов, и возврат на реальную почву естественных, природных условий человеческого общежития.

В том числе и возврат к свободному хозяйству, каковое всегда существовало при нашей монархии. Но в этом вопросе, как и во всех других, опять же возврат не обозначает реставрацию, а продолжение и развитие прошлого, с отметанием его ошибок. Если эти ошибки были более сконцентрированы в хронологически последнем пред-революционном отрезке, то дальнейшее развитие будет скорее похоже на продолжение каких-то прежних, а не обязательно самых последних этапов исторического бытия нашей страны. Именно по отношению к экономической жизни это может быть в принципе выведено из монархического направления. Так как принцип свободного хозяйства был присущ нашему государству на всех этапах его существования, начиная с самого первого — хотя и кратчайшего — этапа, новгородского, затем сразу перешедшего в киевско-новгородский. Причем, на этих этапах, как частично и в последующих, эта экономическая свобода была полной, то есть она не была ограничена монополистической концентрацией экономической власти. Как выразился один наш историк, до татар на Руси общество было как бы "союзом союзов", и в нем практически существовало то социальное равновесие, о котором пишет А. Федосеев. Причем, в принципе это социальное равновесие не нарушалось даже под тяжелым "служебным строем", или "тяглым строем" Москвы, боровшейся за национальную независимость ("самодержавие") от татар и за воссоединение всей Руси. Лишь заимствование некоторых западно-европейских юридических тенденций, выросших из системы привилегий — в свою очередь истекавшей из периода завоевательных процессов — и абсолютизма, грубо нарушило это естественное стремление к социальному равновесию в нашей монархии. Но последние крупные законодательные инициативы нашей монархии как раз и вели обратно к этому равновесию, по крайней мере в области сельского хозяйства.

Кроме того, наша монархия по своему происхождению и по своей сути имела своей главной функцией роль правового арбитра и гаранта правового строя в нашем государстве. В этом отношении, сегодня монархические позиции обозначают также и позицию возврата к правовому строю и к преодолению монополистической гегемонии в политической и правовой жизни страны идеологических и партийных засильев, как на это указывается в портале "Нашей Страны".

В заключение, только с монархических позиций можно сегодня утверждать независимость, самостоятельность и самобытность какой бы то ни было политической акции для России. Все другие альтернативы — по крайней мере в принципе — могут быть подвержены чуждым влияниям, как идеологического, так и прямого политического порядка.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ БОЛЬШЕВИЗМА ТОЛЬКО ЦАРЬ СПАСЕТ РОССИЮ ОТ НОВОГО ПАРТИЙНОГО РАБСТВА

НАША СТРАНА

Год издания — 39-й. Буэнос Айрес, суббота 11 июля 1987. "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 11 de julio de 1987. № 1928

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

НАРОД В ПОИСКАХ ИДЕИ

Более или менее объективные иностранные наблюдатели дружно утверждают, что единственное общее чувство жителей России — патриотизм. Иное дело, что им вряд ли удастся проникать во все слои населения, и тем более сомнительно, чтобы с ними везде откровенно говорили (апатия чужеземцев ко всему подлинно русскому слишком очевидна; а зачем же бы им стали высказывать то, что им явно не по душе?). Но какая-то часть правды в их заключениях, несомненно, есть.

Легко и понять. Те взгляды, те убеждения, что спаивали народ в дореволюционные времена, десятки лет потом были под строгим запретом; да и остались. Их нельзя было вслух выражать, — страшно и теперь.

Те же воззрения, какие советская власть навязывала (оставляя в стороне, что они вглубь, в массы, и не всасывались), развеялись к нашим дням буквально как дым. Даже самые левые диссиденты признают, что большевицкая фразеология, то ли постепенно, то ли сразу и смаху, стала казаться фальшивой и бессмысленной, больше того — смешной. Никто в нее, окончательно, не верит.

Патриотизм, однако, хотя сперва жестоко и преследовался (он приравнивался к великоросскому шовинизму, и так официально и именовался), снова был восстановлен в своих правах в годы перед Второй Мировой войной, и особенно в течение войны. Потому что власти ясно почувствовали, что за коммунистические лозунги люди воевать не станут.

Тогда же, как мы знаем, открыли и церкви. Но их-то вскоре начали и опять закрывать, а верующих утеснять. Дух же патриотизма, раз выпущенный на волю, оказалось невозможным или чересчур уж опасным обратно загнать в бутылку.

Его и терпят. Понятно, компартия пытается его взнуздать. Да он — не лошадь, а скорее тигр, на котором ехать трудно, а слезать и вовсе неудобно.

Вот почему вся болтовня о национал-большевизме представляет собою вздор, выгодный для зарубежных критиков кремлевского режима слева, но совершенно не соотносящийся с жизненной реальностью.

Итак, любовь к своей стране, любовь к своему прошлому, гордость за своих предков и созданную ими культуру, суть то, что объединяет русский народ.

Впрочем, и другие народности бывшей Российской Империи переживают те же настроения и жадно оглядываются на минувшее (что, впрочем, не исключает сохранения государственной целостности).

Мы слышим поминутно про то, с каким жаром стремятся россияне сохранить или восстановить исторические памятники, храмы, свидетельства о былом величии, всюду, где только возможно.

Но, спрашивается, какой же политический строй, какая система правления могут заполнить образовавшуюся пустоту, удовлетворить людей с таким мировоззрением?

Уж конечно не к Западу обращены теперь их глаза, и уши. Неумный Запад все сделал и упорно делает, чтобы свою враждебность русской стихии показать и продемонстрировать.

Еще не так давно, и долго-долго, от Запада ждали у нас в отечестве помощи и спасения; но они никогда не воспоследовали. А сейчас — разве что ультраевые оппозиционеры продолжают видеть в нем свой идеал. Оттого и потерпело крах движение: оно предлагало камень вместо хлеба. Народные же массы повернулись к границе спиной, с холодностью и недоверием. Все более ясно, что они надеются лишь на себя.

Но тогда, еще раз спросим, какие же черты должен иметь общественный порядок, созвучный запросам граждан России, чьи души открылись для патриотизма, православия и памяти о былой нашей славе?

Заметим, в скобках, что порядок нужен еще и такой, чтобы он не противопоставлял себя ни одной из народностей империи и всем им предоставлял бы равные права, свою поддержку и защиту. И такой, чтобы он умел с достоинством и твердостью противостоять врагам за рубежом, желающим гибели или расчленения нашей отчины.

С точки зрения логики, надо ответить, что, силою вещей, получается, и все яснее с течением времени обрисовывается, что такие задачи по плечу только монархии, и монархии в ее исконно русском виде. Процесс к ней ведущий еще не завершен; но он идет перед нашими глазами и, по всей вероятности, необратим.

Остается сказать, перефразируя французскую революционную песенку: "К этому идет, к этому придет!"

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

"Наша Страна". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Соловьевичем. Издатель М. Киреев. Редактирует Редколлегия. Адрес: Miguel Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Buenos Aires, Argentina. Тел. 544-0530. "Nasha Strana"—"Nuestro Pais". Semanario monárquico ruso. Fundado 18-9-1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual N°949.917. Ed. M. Kireeff, Monroe 3578-11, 1430 Bs. As.

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 12 марта 1988

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 12 de marzo de 1988

№ 1963

А. ФЕДОСЕЕВ

От социализма к будущей России

Александр Зиновьев, оказавшись за пределами СССР, немедленно провозгласил: коммунизм это на тысячу лет! Всего несколько лет тому назад подавляющее большинство эмигрантов, практически, с Зиновьевым соглашались. Члены будущего Интернационала сопротивления тоже, как будто, не были замечены в полной оппозиции А. Зиновьеву. Все занимались, в основном, всесторонним разоблачением бесчеловечности социализма в СССР и его зияющими провалами. Немалое число диссидентов старалось социализм подправить и придать этому зверю человеческое лицо. И вот, какая неожиданность, Интернационал сопротивления объявил о разработке государственной программы для будущего нашей страны. Объявление составлено в крайне осторожных выражениях. Это могла быть лишь новая попытка очеловечивания социализма. Тем не менее, даже для меня, антимарксиста и антисоциалиста, в этом деле содержалось некоторое обещание. Ведь если СССР так прочен, как это представляют А. Зиновьев и его последователи, какой же может быть разговор даже у Интернационала сопротивления о новой государственной программе для нашей страны, какая бы эта программа ни была? Ясно, что в мозгах эмигрантов начался процесс осознания многочисленных фактов непрочности самой прочной в мире и в истории власти социализма. Осознания и того простого факта, что система, не соответствующая самой природе человека, бесчеловечная, неспособна, в принципе, на длительное существование. Действительно, зачем пужна прочной власти гласность, критика, непрерывные реформы и чистки аппарата?

Совершенно ни к чему. Социализм в СССР с помощью массового террора и на первоначальных энтузиазме и надеждах достиг вершины своего существования, где-то около конца хрущевского периода. Затем энтузиазм и надежды испарились, а массовый террор стал невозможным, так как не стало миллионов его исполнителей, и искусственная система начала постепенно, с нарастающей скоростью разваливаться вопреки непрерывным реформам. Суть была не просто в тяжести жизни и их бессмысленности. Это люди были способны переносить. Суть была в полной потере надежд и перспектив. В результате, начал ускоренно разваливаться и сам аппарат управления страной. Правители страны почувствовали смертельную для них опасность неуправляемой катастрофы. Социализм, как источник неограниченной власти, перестал работать. Он перестал работать вообще. Власть, ранее с населением не считавшаяся, была вынуждена обратиться к нему же за помощью и в спешке и замешательстве искать, чем негодную систему заменить и, главное, как,

чтобы не потерять полностью власть воздействия на ход событий. Появилась "гласность", как форма обращения за помощью. Началась "перестройка" с ее шагом вперед и двумя шагами назад, явно свидетельствующая о замешательстве власти перед лицом необходимости сделать выбор новой системы. Практически, любой возможный выбор связан с потерей власти и, может быть, жизни. (Помните Нюрнберг?). Словом, "и хочется и колется и мама не велит". Время для разработки альтернативы определению пришло.

Мне кажется, что разработка альтернативы должна состоять из двух частей. Из самой альтернативы, то есть проекта нового государства, и из проекта процесса перехода от "зрелого социализма" к этому новому государству. Очень важно, чтобы первообразимые трудности процесса перехода не повлияли бы на точность и правильность разработки самой альтернативы. Лучше всего при разработке альтернативы просто временно не думать о переходе.

Первый вопрос, который следует поставить именно нам, а не Политбюро, — чему альтернатива? Воздм и руководству? Заменить "плохих" на "хороших"? Я, лично, знаю, что это абсолютно бесполезно. Воздм и пометклатура, хотя и весьма привлекательные и наделенные властью, тоже являются рабами системы. Теперь и они это знают. Потому и реальная перестройка не вытанцовывается. Как это не покажется некоторым людям страшным, но точная и правильная альтернатива уже была сформулирована Апрельским пленумом ЦК КПСС 1985 года: "Поручить экономистам и юристам решить задачу создания организованной экономико-правовой конструкции производственных отношений, которая бы обеспечивала триединство целей деятельности индивидуума, трудового коллектива и всего предприятия в интересах общества". В этой короткой фразе содержится, буквально, целое море антисоциалистического смысла. Я не берусь утверждать, что это "море" входило в намерения творцов формулы, или даже осознавалось ими. Однако, индивидуум с его личным (эгоистическим) интересом слова оказался в поле зрения правителей. Как же так? Ведь для социализма общество — все, а человек — ничто. Видите как подперло?

Сама жизнь подводит к антисоциалистической формуле. А куда же девались социалистические производственные отношения? Почему нужны другие, значит несоциалистические, отношения? Опять сама жизнь подводит к антисоциализму. А "экономико-правовая", как вам правится? Какие могут быть права при социализме? А что можно сказать об отказе ЦК КПСС решать такой важнейший вопрос самому? Где же это видано? А прочтите слова доклад

Горбачева партийному съезду. Его критическая часть не оставляет от социализма, буквально, камня на камне: все отрасли социалистической деятельности оказались полностью неудовлетворительными. А дальше Горбачев прямо заявляет о зияющем противоречии между производительными силами и производственными отношениями социализма. По марксистско-ленинской теории такое противоречие ведет к смене государственного строя. Что это значит? Долой социализм или долой марксизм-ленинизм? Неудивительно, что управители и сами перепугались и не только не завершили разработку альтернативы, а постарались инцидент замять и замолчать. Тем более, что он не был подмечен ни советологами, ни эмиграцией, ни населением.

Я пытаюсь немного для ясности переформулировать эту судьбоносную фразу, скажем, так: "Создать общество с такой экономико-правовой конструкцией производственных отношений, которая обеспечивала бы интересы миллионов индивидуумов в стране, совокупность которых определяет интересы и общества в целом". Теперь остается только выяснить, что же может обеспечить интересы каждого индивидуума из их миллионов, а также всей их совокупности? Прежде всего, должна быть свобода индивидуума строить свою жизнь и свои взаимоотношения с другими, сообразуясь со своим творческим инстинктом, своим личным интересом и, конечно, с правилами общежития. Последние превосходно сформулированы в библейских заповедях: не лги, не укради, не убий, трудись в поте лица своего, не делай другому того, чего не хочешь себе. Ясно, что это неосуществимо, если все средства существования и, следовательно, жизнь и смерть любого индивидуума (включая самих правителей) находятся в руках государственной системы, которая владеет всей страной и всем ее населением. Иначе говоря, это неосуществимо без ликвидации государственной социалистической собственности. В этом и есть ключ к указанной выше "конструкции", то есть ключ к альтернативе. Таким образом, ответ на вопрос, чему альтернатива, звучит: альтернатива социализму. И не только социализму, но и западному образу жизни. Запад то неутомимо движется ко все большей и большей концентрации и централизации управления обществом, к монополизации и гигантзации действующих в обществе сил, что опять-таки расходится с полученной нами формулой альтернативы и, следовательно, с возможностью человека решать свою судьбу. В переводе на привычный язык, формула ведет к преобладанию частной (не корпоративной общественной) собственности, к сильно конкурентному и свободному рынку, в условиях децентрализованного, деконцентрированного

управления обществом без монополий и чрезмерных гигантов. Центр финансирования и управления должен, естественно, быть перемещен непосредственно к управляемому, в автономные сельские или городские общины. Великолепный пример такой децентрализованной системы представляет собой Швейцария. Она же дает великолепный пример законодательной системы, реально служащей интересам населения. Законы в Швейцарии могут вводиться и устраняться с помощью референдумов по инициативе населения. Естественно, будущая Россия должна иметь Конституцию, принятую и изменяемую только по референдуму. Освобождение колоссального творческого созидательного потенциала миллионов индивидуумов населения страны приведет без всякого сомнения к материальному и духовному процветанию.

Эта альтернатива прямо определяет и процесс перехода к ней от "зрелого социализма". Суть процесса должна состоять в постепенном преобразовании государственной собственности в частную. При этом, видимо, будет не избежать промежуточного этапа превращения государственных предприятий в акционерные компании их трудовых коллективов. Это все (в первом варианте, как самой Конституции по пунктам, так и процесса перехода) представлено в моей книге "О новой России". Альтернатива, изданной в Лондоне в 1980 году "Overseas Publications Interchange". Развитие альтернативы в виде того, что я называю "социальным равновесием" опубликовано недавно в номере 52 "Континента". Любопытно, что одновременно с выходом моей книги появилась в "Новом русском слове" от 26-8-1979 года статья В. Максимова с его собственным предложением альтернативы. Его предложение оказалось очень близким к моему. Альтернативы предлагались и внутри России и во вне во множестве еще даже с дореволюционных времен. Смотрите, например, великолепный обзор дореволюционных альтернатив в книге: Dimitri von Moherenschildt, "Toward a United States of Russia". После революции их было тоже много. Но, первых, им еще не пришло время, а во-вторых, эпоха социализма была на полном ходу и подавляющее большинство человечества было в плену у таких прекрасных, но фальшивых социалистических идей. Сейчас и время пришло и хотя бы российская часть человечества получила жестокий урок и в этом вопросе поумнела. Достаточно приемлемая российским людям альтернатива без условия окажется мощным стимулом для настоящей и отнюдь не социалистической перестройки.

А. ФЕДОСЕЕВ

НАША СТРАНА

Год издания — 39-ый. Буэнос Айрес, суббота 5 сентября 1987 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 5 de septiembre de 1987 № 1936

Н. АЛЕКСАНДРОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЗИГЗАГИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Объективный анализ происходящих в настоящее время в Советском Союзе процессов никак не может быть ограничен разбором настоящего, с ссылками на прошлое. Перспективы на будущее играют тоже немаловажную — а может быть и важнейшую — роль в определении настоящего смысла сегодняшних процессов.

Вся, так называемая, "горбачевская политика" может получить совершенно разные окраски, в зависимости от того, частью какой проекции на будущее она является. В этом отношении, в основном, могут быть две альтернативы:

1. Проводимые реформы являются осторожным и постепенным демонтажем социалистической системы, своего рода "спуском на тормозах". Суверенноменклатура, или какая-то ее ведущая часть, убедилась в невозможности спасения социализма, и пришла к решению, что нет выхода из положения без отказа от него. Однако, из боязни перед неконтролируемыми процессами, в своем ускорении могущими привести к опасным катаклизмам, этот отказ должен происходить постепенно, и, самое главное, с засекреченными конечными целями. Лишь достигнув на каком-то определенном этапе этих реформ их необратимость, и одновременно новое "статус-кво", можно будет открыто объявить об отказе от системы, без риска опасных реакций со стороны тех или иных приверженцев прежнего "статус-кво". Конечно, и в этом случае, такой отказ от системы можно будет — в согласии с давно репетированной техникой — диалектически объяснить как раз достиганием целей когда-то поставленных социализмом (например, достиганием нового бесклассового общества), и, в соответствии с этим, объявить "переход на качественно новый исторический этап".

2. Проводимые реформы являются всего лишь вынужденными мероприятиями по необходимому ремонту системы, как раз для ее спасения. Если эти реформы и являются "спуском на тормозах", то это лишь временный и чисто тактический спуск, без отказа от стратегической цели сохранения во что бы то ни стало социалистической системы. Вернее, это не спуск, а всего лишь шаг назад, для того, чтобы можно было когда-то в будущем снова сделать необходимые шаги вперед, в сторону утверждения системы. Однако, при этом нельзя упускать из виду медузообразную бесхребетность социалистической системы: не имея окончательно оформленного определения, эта система постоянно меняется, как по форме, так и частично по содержанию, сохраняя лишь неизменными свои последствия. Так что, в процессе движения "шаг назад, два шага вперед", даже могут быть выброшены за борт те или иные временные проявления системы,

как это уже делалось не раз. Именно в этом состоит затруднение правильно определить частичные самоликвидации системы: отрешаясь от своего хвоста, ящерица еще не занимается "демонтажем".

Эти две выше намеченные, теоретически возможные проекции "горбачевской политики" зависят от трех групп обуславливающих обстоятельств: от природы и внутренней сути самой системы, от субъективных качеств и положения ее носителей и от объективной "окружающей среды" на этом историческом этапе.

Что касается самой системы, на основании всей ее предыдущей траектории, логично предполагать ее непериодичность (то есть ее "неэволюционность"). С этой стороны, значит, первая проекция отпадает. Однако, абсолютная "неэволюционность" неизбежно ведет к окончательному краху. В этом заключается диалектическое противоречие присущее социалистической системе, которое так или иначе приведет к ее гибели.

В теплотах этого диалектического противоречия и бьются суперноменклатура и вероятно сам Горбачев (простая номенклатура — вряд ли: она занята более непосредственными проблемами). Никто не знает может ли или не может Горбачев перешагнуть в глубине своего сознания (или подсознания) рубикон в сторону первой альтернативы, то есть в сторону демонтажа, а не ремонта, системы. Теоретически допустима возможность соскальзывания из второй альтернативы (ремонта) в первую (демонтажа), как самого Горбачева, так и суперноменклатуры, или какой-то ее части. Таким образом, даже сегодняшний опцион в пользу ремонта, может — при некоторых обстоятельствах — превратиться в опцион в пользу демонтажа, если такое превращение окажется по ходу исторических процессов опционом для избежания гибели самой власти.

Тут мы подходим к третьей группе обуславливающих обстоятельств: объективное положение на данном историческом этапе. Это объективное положение можно свести к двум основным тенденциям: дальнейшая невыносимость для нашей страны и для ее населения экономического застоя и даже развала, и достижение критической точки сопротивления самого населения и его просвещенной части в защиту основных ценностей нашей исторической культуры.

Причем, эти две тенденции на самом деле являются лишь двумя выражениями одной и той же действительности. Даже чисто экономическая и материальная часть каждой культуры тесно связана с ее мировоззренческими ценностями. Нарушение последних неизбежно ведет к ущербу и в области материальной жизни.

В конечном итоге, все возможные проекции дальнейшей политической

линии современной советской власти неизбежно вписываются в уходящие в даль перспективы дальнейших исторических судеб нашей страны. С этой точки зрения, дальнейшее будущее определяется не только субъективно самой властью, на данном этапе еще могущей выбирать те или иные варианты политической проекции на ближайшее будущее, но и дальнейшим развитием объективных исторических процессов.

Дальнейшее будущее зависит не только от проекции на ближайшее будущее, но и от наличия возможных альтернативных моделей для выхода из этих предварительных проекций. Потому что ни одна из двух вышеупомянутых проекций (демонтажа и ремонта) не является сама по себе ответом на будущее. Это всего лишь разные пути подхода к этому дальнейшему будущему. Причем, один из этих путей в действительности является тупиком, так как все попытки ремонта системы являются лишь блужданием в порочном круге, блужданием, которое когда-то закончится крахом. Так что, путем "демонтажа", или путем "краха", все равно когда-то наступит момент начала "послецивилизационной" эпохи. Это и будет моментом, когда неукоснительно придется выбирать какую-то новую историческую модель, на сцену ушедшей в прошлое модели социалистической.

Между прочим, этот момент потенциально уже наступил. Исторические узловые моменты нельзя свести к хронологическим моментам. Хронологические моменты являются лишь внешним проявлением этих исторических узловых моментов, и в действительности отбрасывают свою тень не только вперед, но и назад. Задолго до исторических переломов их контуры уже вырисовываются на горизонте, как бы маня к себе. Так что, те выборы, которые приходится неукоснительно делать в такие переломные моменты, по существу начинают делаться задолго до этого. Больше того, в самом процессе такого развивающегося выбора, частично предрешаются не только окончательный выбор, но и хронологический момент его исторической кристаллизации.

В конкретном случае нашей страны, такой процесс развивающегося выбора на первый взгляд представляется не только чрезвычайно трудным, но и опасным. Действительно, палицо нет под рукой готовой (хотя бы в общих контурах) модели на будущее. Если сделать беглый инвентарь имеющихся готовых моделей, то окажется, что палицо всего четыре такие модели: 1. Современная социалистическая модель навязанная нашей стране; 2. Современная западная капиталистическая модель так называемого "первого мира"; 3. Современные гибридные модели "третьего мира"; 4. Непосредственная предыдущая дореволюционная модель нашей стра-

ны. Конечно, это лишь весьма упрощенный перечень этих моделей, так как можно указать, например, что социалистическая модель является в свою очередь лишь ответвлением западной модели. Также можно было бы вспомнить и другие западные модели, корпоративного типа, которые в действительности являются в свою очередь ответвлениями социалистической модели. Да и гибридные модели "третьего мира", как и некоторые попытки создания таких гибридных моделей в русской эмиграции, тоже можно отнести к вариациям механических смесей западных моделей капитализма и социализма, с добавлением некоторых "фольклорных" элементов.

Определяющим моментом в процессе развивающегося выбора будущей послецивилизационной модели для нашей страны является соборное сознание, еще не выявленное достаточно ясно, что после отбрасывания первой (социалистической) модели, следующие две модели тоже органически не подходят для нас. (Что отнюдь не должно помешать возможности применения тех или иных их составных элементов). Последняя из перечисленных моделей, наша дореволюционная модель, тоже невозможна. Не только потому, что прошлое невозможно реставрировать, но и потому что в последнем этапе этого прошлого были вкраплены такие элементы, которые и привели к нашей катастрофе, и которые на будущее необходимо полностью избежать.

Таким образом, остается лишь одна возможность: творческого создания собственной модели на будущее. Конечно, это труднее и сложнее, чем выбрать уже готовую модель, но, одновременно, это по существу гораздо лучше. Такое положение сильно валоминает аналогичные проблемы при преодолении Смутного Времени в 1613 году. На "Совете всея земли" тогда тоже пришлось: 1. Сперва полностью отметить иностранные альтернативы, которые до этого долго муссировались; 2. Творчески создать новые альтернативы, при соблюдении мудрейшего правила: максимального возврата на нашу исконную историческую почву, с максимально возможным сохранением наших преемственных исторических корней. Таким образом, будущая модель для нашей страны должна явиться органическим развитием всех ее предыдущих моделей, начиная с Киевско-Новгородской Руси, и быть одновременно преодолением всех других сегодня существующих моделей. Преодолением, в смысле исторического прогресса и усовершенствования. Для этого у нас имеется существенное преимущество: наша еще живая великая духовная культура, исходя из коренных начал которой легко будет пайти правильную ориентацию для нашего будущего.

Н. АЛЕКСАНДРОВ

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 21 ноября 1987 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 21 de noviembre de 1987 № 1947

Н. СИДОРЕНКО

ПЕРЕСТРОЙКА БЕЗ НАДСТРОЙКИ?

Политически мяслящая часть нашего народа, как в самой стране, так и в зарубежье, так или иначе должна будет критически осмыслить и оценить новейшую идеологическую риторичку социализма, проводимую под трехчленной формулой "перестройки, гласности и демократизации".

Социализм всегда прибегал к риторическим кампаниям, как к средству своего самоутверждения, будь то в процессе борьбы за власть, будь то в процессе защиты своей власти. Однако, телерешная кампания все-таки чем-то отличается от предыдущих. Это интуитивно чувствуется с самого начала. В чем заключается суть этого отличия? Именно такое пелсное ощущение без должного уяснения его причин и ведет иногда к поспешному выводу, перескакивающему через всякий анализ, что на этот раз власть меняется, потому что форма, содержание и методика ее посланий как будто бы изменились. Однако, может быть и другое толкование такой перемены, в том смысле, что не столько изменилась власть, сколько та ситуация, с которой приходится считаться власти. Из чего следует, что необходимо изучить также и объективную ситуацию, в которой сегодня находится социализм, а не только его субъективные заявления.

В связи с такой постановкой вопроса, сразу же бросается в глаза, что сама новая социалистическая риторика со всей очевидностью принципиально и систематически избегает всякий не поверхностный анализ ситуации, а тем паче необходимый диагноз.

Действительно, сами по себе слова новой трехчленной формулы ничего конкретного не значат. Перестройку чего? Почему? Отчего? Для чего? Как? Исходя из чего? Какую перестройку? Понятие гласности, как будто бы немного конкретнее, так как очевидно, что оно включает в себя возможность затрагивать и даже обсуждать какие-то темы, доселе этому не подлежащие. Однако, встает вопрос: гласность простирается также и на возможность проанализировать до конца все выше поставленные вопросы о перестройке? Один член формулы простирается на другой? А также и на третий? Поэтому что и понятие демократизации требует своего гласного уяснения и определения. Какое вообще соотношение между тремя частями трехчленной формулы?

Повидимому, и гласность, и демократизация должны служить перестройке, так как именно перестройка является главным объектом всей кампании. Сам Горбачев, в своей книге "Перестройка", называет ее "новой политической мыслью", но сразу же после этого он сам задает вопросы: "Что такое перестройка? Для чего она нужна? В чем состоит ее суть и ее цели?" На эти ясные вопросы, однако, нет ясных ответов.

В конечном итоге все сводится к описанию положения, в котором оказался социализм на данном историческом этапе и к последующим призывам как-то улучшить это положение. Но, как уже было отмечено, описание ситуации не идет дальше поверхностных указаний на те или иные затруднения, но с неизменным подчеркиванием, что эти затруднения не вызваны самой системой. Таким образом, анализ положения с самого начала весьма ограничен. Нельзя углублять анализ, нельзя делать обобщения, нельзя делать выводы. Еще хуже обстоит дело с призывами для улучшения положения. Оказывается, улучшать положение можно лишь при условии сохранения системы. Больше того, с самого начала исключается всякая альтернатива: "Каждая нация может выбирать между капитализмом или социализмом. Это ее суверенное право". (М. Горбачев. "Перестройка". В обратном переводе на русский язык). Но, если систему нельзя трогать, то как же ее улучшать? Что в ней можно изменить, а чего нельзя? И как это делать? Чем заменять то, что в ней не годится?

Характерно, что марксизм, попадая в такие тупики, всегда имеет тенденцию пытаться выйти из них путем интеллектуального мошенничества. Так, уже давно, как "диалектический материализм" занимается следующей тавтологией: "Единственное, что существует, это материя. Что такое материя? Это то, что существует". Так и теперь, делаются попытки объяснить марксизм, как изучение действительности. Поэтому Горбачев, подчеркивая необходимость "нового политического мышления... нового исторического мышления", после этого отмечает, что "политика должна основываться на реальностях". Но оказывается, что эти "реальности" сводятся к одним лишь симптомам болезни, без самого диагноза болезни. Но без диагноза, нет и лечения.

Такое ограниченное описание ситуации начинается с ограничения во времени: "На определенном этапе — это стало особенно ясным во второй половине семидесятых годов — случилось что-то такое, что с первого взгляда было непонятным. Страна начала терять импульс". Тогда, "анализируя ситуацию, в первую очередь, мы открыли замедление экономического роста. За последних 15 лет прирост национального дохода уменьшился больше чем на половину и к началу восьмидесятых годов упал на уровень, близкий к экономическому застою". После этого, следует парадоксальное заключение: в этом виновата не система, а... богатство нашей страны: "Богатство нашей страны, в отношении естественных ресурсов и рабочих рук, нас погубило, даже можно было бы сказать, что нас развратило". Оказывается, "это была главная при-

чина, почему наша экономика смогла развиваться экстенсивно в течение десятилетий". Но, "с течением времени стало труднее доставать материальные ресурсы и они стали более дорогими... Так, инерция экстенсивного развития вела к экономической парализации и к застою". Но на этом пути, "проблемы аккумулировались быстрее, чем их разрешали". Но все-таки никак нельзя скрыть полностью идеологических причин такого положения: "В идеологическом плане механизм тормозов вызвал большое сопротивление попыткам конструктивно исследовать возникающие проблемы и новые идеи... В общественных науках поощрялась и развивалась схоластическая теоретизация". (М. Горбачев. "Перестройка").

Вот, оказывается, в чем дело: схоластика. Схоластика — это такой подход к изучению действительности, когда изучение ограничено с самого начала рамками обязательного, заранее предписанного, авторитета. Средневековая схоластика двигалась в рамках толкований Аристотеля, а современная в рамках толкований Маркса, сначала Лениным, а теперь и Горбачевым (раньше Сталиным).

Это и есть источник всех противоречий и всех тупиков. В первую очередь, палицо тупик интеллектуальный. Нельзя "априори" сливать в одно неразлучное целое "новую политику", "новое политическое мышление" со старой системой социализма или со "современным социалистическим обществом". Дело в том, что истина (то есть соответствие между мыслью и действительностью) и вытекающая из этой истины новая политика находятся в полном противоречии с социализмом. Потому что социализм находится в полном противоречии с человеческой природой. Улучшение положения находится в полном противоречии с сохранением социализма, как системы. Наоборот и истина, и действительность, и улучшение положения требуют разрушения социализма, как системы и как идеи.

Именно эта идея обанкротилась, так как она на поверку оказалась несоответствующей действительности, то есть природе человека и общества. Поэтому с позиции социализма нельзя разрешить аккумулировавшиеся противоречия. Возможно, что это осознается и самими сторонниками социализма. Именно поэтому предпринимается попытка сделать безвыходную альтернативу немного менее безвыходной, с помощью улюлюканья, что других альтернатив вообще нет. Выбирать можно только "между капитализмом или социализмом".

Поэтому не может быть настоящего глубокого анализа создавшегося положения, без одновременного указания возможных альтернативных путей. От симптомов необходимо идти к диагнозу, а диагноз без терапии бессмыслен. Причи-

такие симптомов не замечает диагноза, а еще меньше лечения.

В этом последнем смысле и эмиграция и весь остальной мир, а не только СССР, тоже находятся в большистве случаев в тупике, так как не видят ясно, или не хотят видеть необходимость альтернативы.

Именно новой альтернативы, а не латания старых, жизнью отверженных, альтернатив. Зачастую это оправдывается, опять же, якобы объективным отсутствием таких новых альтернатив. Но тогда это новый, самый ужасный тупик: нет никакого выхода.

Конечно выход всегда есть. Человечество в своей истории всегда, раньше или позже, находило выходы из всех положений. Другое дело, что всегда существовали лица или группы лиц, которые не были заинтересованы в нахождении выхода, и которые поэтому проповедовали отсутствие выходов.

Кроме того, несомненно, существует во многих кругах, особенно "интеллектуальных", подсознательная тоска по "потерянной" утопии социализма, который должен был осласливать человечество. Да и не только утопии одного только социализма, но того общего течения "просвещения" (из которого родился социализм), обожествившего человеческий разум, и уже провозгласившего окончательную (тоже трехчленную!) формулу "свободы, равенства и братства". Попытки осуществления утопии социализма привели к разрушению самых основ человеческого общества, а следовательно и ко всем вытекающим отсюда кризисам, как морального, так и материального характера. Именно эта утопия не только лишила человека его свободы, но и привела его к нищете и прозябанию. Но осознать такую историческую последовательность не только не всем выгодно, но и не всем легко. Однако, сама история, вернее, объективные исторические процессы, неизменно ведут к возврату потерянного равновесия и к возврату естественного положения вещей.

В природе человека нет непреодолимых противоречий между его высшими духовными стремлениями и его материальными потребностями. Человек хочет работать свободно, на самого себя. Вольный труд человека есть основа, не только вольного общества, но и благосостояния и прочности этого общества. Больше того, только в таком вольном обществе, основанном на вольном труде человека, возможно осуществление и духовной свободы в обществе. Это и есть альтернатива.

Перестройка, для того чтобы быть выходом из положения, должна разрушить идеологическую надстройку социализма над нашей страной. В противном случае, перестройка не будет началом ничего нового, а лишь началом конца старого.

Н. СИДОРЕНКО